§ 1. СЛАГАЕМЫЕ И КПД ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РОСТА
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И РОЛЬ ПРАВА

На современном этапе развития наука все еще не определилась с понятием прогресса и его слагаемыми, целями. Мощь технологий должна быть направлена на улучшение жизни людей, и именно это является главным показателем прогресса. Право должно обеспечить контроль над использованием и применением технологий, любая из которых в отрыве от оценки ее полезного эффекта, побочного или негативного воздействия должна восприниматься как источник потенциального возможного вреда одним лицам и обогащения других. Совершенно верно обращалось внимание на необходимость расширенного понимания технологий не как нового слова в науке и технике, а как способа применения коллективных знаний человечества для улучшения питания, благосостояния, здоровья, комфорта человека, но и одновременно как надзора, контроля, принуждения и т.д.[44]

Важность технологического прогресса для развития общества неоспорима, но также несомненна значимость компетентной комплексной оценки всех его факторов. Требуют внимания последствия внедрения и использования новейших технологий для жизни человека, сопровождения новыми знаниями нормальных циклов развития общества, выживания цивилизации на планете. Экономические инициативы в этом направлении являются средством достижения и удовлетворения потребностей нового класса производителей соответствующей высокотехнологической продукции и не должны рассматриваться как ведущие. То есть технический прогресс возможен и нужен не любой ценой, а сдерживающую роль в освоении человеком технологий выполняет право как основной регулятор общественных отношений. Ценность междисциплинарных исследований в этом направлении не вызывает сомнений при явном их недостатке на сегодняшний день.

Современная российская наука недостаточно плотно занимается вопросом измерения технологического прогресса, в котором на основании математических приемов и методов оценивались бы во взаимосвязи экономические показатели и данные технических и естествен-

[44] См.: Аджемоглу Д., Джонсон С. Власть и прогресс. Наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание. СПб., 2023. С. 16.

ных наук, учитывались бы разработки гуманитарных наук (юриспруденции, социологии, философии) в прогнозировании воздействия разрабатываемых и внедряемых технологий на безопасность человека, общества, природы.

И ранее измерение технологического прогресса при его пристальном внимании к изменениям технологий и последствиям их применения учитывало преимущественно капиталосберегающие и капиталорасходующие факторы и иные разноплановые показатели, в которых не нашлось места оценке влияния и выявления соотношения между экономической пользой внедрения развивающихся технологий на и реальной гарантированности прав и защищенности человека, выживанием общества и сохранением экологии[45]. Изначально этот показатель должен быть назван в числе ключевых. Вместо этого акценты смещаются и часто растворяются в абстракциях. Правильным представляется общетеоретический вывод об органической связи права и научного прогресса, где право одновременно является продуктом научного прогресса и фактором его развития[46]. Однако необходимо определиться и конкретизировать *роль права* и сосредоточиться на его *правоохранительной и стимулирующей функции в развитии научно-технического прогресса*.

Использование технологий не может быть всеобъемлющим и неограниченным для всех сфер жизни человека, ему должна быть обеспечена гарантированная зона приватности как необходимое и безоговорочное условие саморазвития. Однако и ранее этому вопросу уделялось недостаточное внимание. Так, в третьей четверти XX в. кибернетику пытались представить «начальником производств» и почвой произрастания отношений человека и машины еще в 60-х гг. XX в. Сторонники автоматизации кибернетических систем управления как «электронных вундеркиндов» опирались больше не на реальность, а на ожидаемый «экономический выигрыш»[47] без соотнесения его цены для общества и человечества в целом. Со временем ситуация мало изменилась, и сегодня при обсуждении нового направления «экономика искусственного интеллекта» говорят о сингулярности как о переходе искусственного интеллекта в новую фазу развития, когда он может не находиться в зоне человеческого контроля, а человеческий труд станет

[45] Ср.: Браун М. Теория и измерение технического прогресса. М., 1971. С. 21—28.

[46] См.: Хабриева Т.Я. Правовое измерение научного прогресса // Правовые проблемы научного прогресса: материалы заседаний Международной школы молодых ученых-юристов. М., 2010. С. 6.

[47] См.: Шароль Л.И. Кибернетические машины высшего ранга. М., 1963. С. 36.

излишним при неизбежном слиянии людей и искусственного интеллекта в недалекой перспективе[48]. Эти суждения имеют мало общего с наукой, будучи неподтвержденными никакими данными, все так же напоминая рекламный шум безотносительно последствий для сохранения общества. Важно отметить, что поднятые вопросы требуют пристального внимания и оценки при проведении междисциплинарных исследований о роли и значении новейших технологий для жизни современного общества. Это особенно важно в условиях, когда в технической литературе констатируется использование суперкомпьютеров едва ли не во всех отраслях и далее говорится о грядущей необходимости «применения суперкомпьютерных технологий для оценки текущего состояния и моделирования дальнейшего развития социально-экономических систем»[49].

Сделанный прогноз требует взвешенной и компетентной оценки специалиста с перспективой формирования нового правового поля для развивающихся общественных отношений, а главное – определения пределов использования этих самых «суперкомпьютерных технологий». Не стоит упускать из виду уже имеющиеся разработки по этим вопросам в научных заделах РАН.

Искусственный интеллект как технология не существует вне общественных отношений по использованию и обработке больших объемов информации. Примечательно, что информация в различных отраслевых науках и для разных ситуаций определяется по-разному, но любые сферы ее использования невозможны вне правовой регламентации запретов, ограничений, обязанностей для операторов соответствующих информационных систем. И это само по себе предполагает активность права в разработке четких правил использования, сбора, любых форм обработки информации.

Область применения искусственного интеллекта как технологии нового поколения сосредоточена на автоматизированной обработке больших информационных объемов данных и управления ими. То есть ни сам искусственный интеллект, ни любые операции с информацией не находятся за пределами регулируемых правом общественных отношений. Любая форма обработки и использования информации немыслима вне человеческой деятельности и удовлетворения конкретных потребностей человека. Именно право определяет допусти-

[48] См.: Бутл Р. Искусственный интеллект и экономика. М., 2024. С. 391-393.

[49] Макаров В.Л., Окрепилов В.В., Бахтизин А.Р. Научные решения сложных экономических задач с помощью сверхкомпьютеров. М., 2023. С. 11.

мые формы обработки и использования информации в установленных правовых режимах, устанавливая гарантии и ответственность за правонарушения в этой сфере. Безопасность и законность обработки любых объемов информации исключают полную автоматизацию всех операций с информацией с исключением из этого процесса человека. Это утверждение актуально для любых стадий и этапов технологического прогресса, который как таковой возможен только до тех пор, пока существует само общество, интересы членов которого перманентно вступают во взаимные конфликты и должны быть принудительно согласованы правовым воздействием. Необходимо отметить, что отраслевые науки по-разному определяют информацию, но необходимость правовой квалификации возникает в каждом случае ее использования для удовлетворения потребностей человека, существующего в определенной системе социальных связей и стремящегося удовлетворить собственные интересы, часто игнорируя интересы правопорядка и иных лиц.

Как было показано учеными РАН, по своей природе человеческое общество управляется посредством восприятия и передачи социальной информации, воплощенной в орудиях труда[50], следовательно, режим использования технологий объективно востребован самой логикой общественного развития с его ориентацией на разумное благополучие человека в гармонии с природой. И это объясняет задачу права по разработке на основе изучения всесторонних и достоверных данных об объекте эффективного правового регулирования в сфере использования технологий.

[50] См.: Афанасьев В.Г. Мир живого. Системность, Эволюция, Управление. М., 2019. С. 331.

§ 2. «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» КАК ЯВЛЕНИЕ И КАТЕГОРИЯ ГНОСЕОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ

Искусственный интеллект как термин, категория содержит в себе достаточно много условностей, мешающих его однозначному восприятию. Его становление как понятия, определения имеет существенные особенности, сказывающиеся на формировании научных и бытовых представлений, знаний, с ним связанных. Прежде всего следует отметить, что речь не идет о восприятии объективно существующего в природе или опыте человека явления, которое могло бы характеризоваться точными и устойчивыми отличительными признаками, функциями и восприниматься буквально. В теперь общепринятом термине «искусственный интеллект» читается англицизм – буквальный перевод англоязычного термина «artificial intelligence», который по своим лексическим значениям гораздо шире, чем, например, Intelligenz. Уже на этом этапе создаются ложные впечатления о том, что разумная и сознательная деятельность может принадлежать не только человеку, но и созданным им машинам. Некорректность сравнений могла бы быть оговорена пояснением, которое не последовало. Совершенно верно в современных исследованиях делается вывод о том, что «термин «искусственный интеллект» не имеет никакой основы и его можно рассматривать как нейтральное имя собственное для описания определенных технических проявлений», которые не сводятся к отдельным методам и функционалу[51]. Это видно на примере разности языков, программных кодов.

Остановимся подробнее на вопросах происхождения, смысла и значения понятий «искусственный интеллект», «искусственные нейронные сети». Понятие интеллекта применительно к деятельности и восприятию мира разумными существами не является устоявшимся и единообразным в науке, поскольку подходы к его пониманию основываются на концепциях отдельных и противостоящих друг другу философских, социологических школ. Важно понимать, что речь идет о не всегда точной гуманитарной интерпретации наблюдаемых процессов развития техники и технологий. В любом случае при использова-

[51] Konertz R., Schönhof R. Das technische Phänomen „Künstliche Intelligenz“ im allgemeinen Zivilrecht. Eine kritische Betrachtung im Lichte von Autonomie, Determinismus und Vorhersehbarkeit. Baden-Baden, 2020. S. 135.

нии термина «искусственный интеллект» речь идет о новых возможностях техники и технологий, которые служат и используются человеком для решения поставленных им задач в диалектике постоянно возрастающих потребностей, не существуя самостоятельно. Разделение искусственного интеллекта на сильный и слабый в действительности основано на различных объемах и алгоритмах мощности цифровых технологий и не имеет никакой связи с человеком.

Как термин, но никак не особое и самостоятельное научное понятие искусственный интеллект получил употребление и распространение в активно развивающемся направлении комбинированного знания середины XX в. – кибернетике. Учитывая этот момент взаимообусловленности, рассмотрение искусственного интеллекта невозможно в отрыве от рассмотрения целей и содержания кибернетики как особой отрасли знания. На первоначальном этапе понимание и представления об искусственном интеллекте, как и сама кибернетика, отличались крайней неопределенностью и недоказанностью. Многие исходные положения формулировались и воспринимались как данность без приведения системы доказательств и аргументации. Основоположники кибернетики не позиционировали искусственный интеллект центром мироздания и центробежной силой науки нового поколения, скорее, с развитием этого направления связывались даже не новые открытия, а будущие глобальные завоевания и достижения человечества. Это было время надежд и восторженных ожиданий от открывающихся возможностей человека, что не могло не сказаться на представлениях об искусственном интеллекте. На первый взгляд невозможно не обратить внимание на изначальную легковесность и бездоказательность исходных суждений, на которых базировалась кибернетика и само понятие искусственного интеллекта: «Современная сверхбыстрая вычислительная машина в принципе является идеальной центральной нервной системой для устройств автоматического управления… мы начинаем понимать, что такие важные элементы, как нейроны – атомы нервной системы нашего тела, совершают работу примерно на таких же условиях, как электронные лампы, получая свою сравнительно небольшую энергию извне от кровообращения, и что энергия не является основным фактором при учете их работы»[52]. Немаловажно и то, что на первых порах для понимания кибернетики ее основатели максимально упрощали ее идеи, отрицая,

[52] Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968. С. 76, 94.

в частности, необходимость глубокого погружения в базовые науки, из которых, как представляется, должны произрастать ее основные положения: математика, биология, прикладные технические науки[53]. Видится невозможным восприятие этих новых представлений буквально в отрыве от тех задач, которые уже решались или могли быть решены в сфере обороны, освоения космоса, прорывов в сфере здравоохранения и биологии. И эта важная поправка может служить объяснением недосказанности и преувеличения роли кибернетики и ее продуктов. Ученые пытались обобщить и создать общие представления о кибернетике, как бы оторвавшись от конкретной проблемы и способа ее решения. Успех выполнения этой задачи сомнителен, как и результативность создания общетеоретической науки о кибернетике вообще, которая помимо общих положений формулировала «абстрактную теорию автоматов»[54]. Точность восприятия страдает при популяризации кибернетики, особенно когда представители этого направления вводят новые бесформенные и малосодержательные понятия кибернетики, в числе которых возможно назвать особое направление – «кибернетическая смесь», в которой популяризация знаний замещает собой действительный смысл и значение – возможности технологий. Самой крупной неточностью в данной связи выглядит наукоподобное, но совершенно бессмысленное обоснование общения человека и машины[55]. Некорректность такого видения становится очевидной, если попытаться применить тот же взгляд к отношению человека и любого орудия труда: топора, ведра и т.д.

Следует оговориться, что представленная точка зрения не была единственной в науке, представляя собой альтернативу подходу, согласно которому разработчик не должен озадачиваться копированием и воспроизведением особенностей естественных, живых аналогов, добиваясь рациональности решения конкретной задачи, которую может уточнять сама интеллектуальная система, реагируя на изменение внешней среды[56]. Совершенно очевидно, что корректность сопоставления предполагает и требует точности и определенности анализа как логической операции с ясностью всех характеристик используемых объектов, иное означает недостоверность получаемых данных. Уже на

[53] Ср.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 9.

[54] О распространенности этих попыток см.: Автоматы и синтезы схем: сб. статей. Киев, 1965.

[55] См.: Пекелис В. Кибернетическая смесь. М., 1970. С. 9.

[56] См.: Касаткин А.М. Роботы и искусственный интеллект. М., 1989. С. 12.

тот период прозорливо указывалось, что кибернетика как наука, возникшая на стыке многих дисциплин, «в лучшем случае дает ученому удовольствие работать одновременно в нескольких областях таких, как техника, психология, биология, математика и физиология, а в худшем случае позволяет не очень хорошему инженеру уйти от выполнения своих обязанностей, некомпетентно занимаясь теоретической биологией; его гордость от этого не пострадает, так как он слишком мало знает биологию, чтобы понять каким дураком он выглядит; чтобы кибернетика могла избежать налета псевдонаучности, люди, работающие в ней, должны быть действительно хорошо знакомы с одним или более из соседних разделов, коллективы узких специалистов, слишком игнорирующие соседские специальности, чтобы эффективно общаться друг с другом, не подходят для этой задачи»[57]. Очевидно для ее решения необходимы специально организованные и развиваемые научные коллективы, продуцирующие знание нового качества на базе и в развитие отраслевой специализации.

С развитием знания менялись и представления о кибернетике, стали развиваться ее направления (математические основы кибернетики, кибернетика живого и т.д.), хотя у ее основоположников сохранилось ее общее понимание: «Связь и управление неотделимы друг от друга как в машине, так и в живом организме, а основа этой теории вероятностная»[58]. Отсутствует даже мизерная возможность сравнения управления в машине как орудии и продукте человеческого труда и в живом организме как нерукотворном продукте развития живой природы.

В третьей четверти XX в. обсуждаемые вопросы получили проработку в исследованиях РАН, результаты которых не утратили актуальности. Совершенно верно было отмечено, что задача получения точности от ожидаемого результата допускает только вспомогательное использование кибернетики в биологии, медицине[59], а распространение и популяризация кибернетики ставят новую и не потерявшую актуальность проблему соотношения кибернетики и обеспечения надежности[60].

Ее разрешение актуально и сегодня, хотя бы с точки зрения результативности и последствий эффекта действия новейших технологий на самого человека и окружающую среду. Уже на тот период этот

[57] Арбиб М. Мозг, машина и математика. М., 1968. С. 189-190.
[58] См.: Винер Н. Мое отношение к кибернетике и ее прошлое и будущее. М., 1969. С. 18.
[59] См.: Берг А.И. Кибернетика – наука об оптимальном управлении. М., 1964. С. 24.
[60] См.: Берг А.И. Кибернетика и надежность. М., 1963. С. 23.

критерий не был воспринят и в необходимой мере учтен в выводах о роли и возможностях генетической инженерии в экспериментальной биологии, в частности о том, что «применение к биологическим системам понятий информации и кодирования, укрепления обратной связи, а также кибернетической методологии» не только перспективно, но и позволяет решить многие из задач генетической инженерии», в том числе способно обеспечить расшифровку и способы управления генетическим кодом[61]. Оказались за пределами научного предвидения последствия использования таких технологий и их реальные возможности, что хорошо видно на примере научной проблематики сегодняшнего дня. Геномная информация доступна для восприятия человека только в виде воспринимаемых данных биофизикой и биохимией, семантический же смысл информации геномного кода, логика построения и ее происхождение, а значит и возможности управления ею, остаются непознанными. И сегодня геномика не может заменить творца природы и объяснить содержание, случайности и закономерности формирования кода для каждого из видов биоорганизмов, свободно оперировать его элементами. Человек не может заместить природу, в связи с чем о взятии человеком геномных данных под контроль, а следовательно и о новой эре искусственного интеллекта и биокибернетики, говорить не приходится. По-прежнему актуальны суждения проф. Н.А. Бернштейна: «Усовершенствовать человеческую машину, подчинить ее конструкцию своему произволу невозможно; нам приходится принять ее к сведению как она есть, со всеми достоинствами и недостатками; нам представлены только косвенные обходные приемы, чтобы миновать ее недостатки и в полной мере использовать преимущества»[62].

Математическое обеспечение кибернетики, в том числе в сфере биотехнологий, сводится к проверяемости и достоверности полученных результатов, вычислимости последствий применения конкретных технологий для сохранения климата, биоразнообразия на планете, выживания человека и общества. Так, ученые были озадачены тем, что распространение и популяризация кибернетики не сопровождались формированием в технических дисциплинах специальных разделов, изучающих дискретное и случайное, когда именно это направление могло бы явиться математической основой

[61] См.: Кибернетика живого: человек в разных аспектах: сб. статей. М., 1985. С. 4.
[62] Бернштейн Н.А. Избранные труды по биомеханике и кибернетике. М., 2017. С. 7.

кибернетики[63]. Примерно в тот же период назывались первейшие задачи математизации биологии, в числе которых были определены следующие: вычислительная, моделирования, классификации и аксиоматизации[64]. Спорным лишь видится реалистичность «выращивания биологической математики изнутри», поскольку объекты биологии и математики – различные явления, которые не совпадают. Своим аппаратом математика, описывает физические и химические процессы и явления в живом организме, лежащие в основе биологических явлений, которые не сводятся и не исчерпываются такими физическими и химическими процессами. То есть биологическое явление не может быть сведено к его математическому описанию.

Достоверность получаемого и ожидаемого результата может быть обеспечена только внешней оценкой возможного эффекта внедрения технологии и рисков, с этим связанных. Эта функция должна быть внешней, функционировать отдельно от развития и вызревания конкретной технологии. Машина любой сложности и задействованные технологии не могут достоверно оценить свою стабильность и непротиворечивость, для этого требуется внешняя оценка с участием обученных специалистов, способных правильно понять получаемые машинные данные.

Математика должна обеспечить использованием своих инструментов проверяемость ожидаемого результата применения конкретной технологии, в частности искусственного интеллекта. Совершенно верно говорилось об алгоритмических основах любых интеллектуальных роботов и искусственного интеллекта, что означает конечность и вычислимость их операбельности. Важно, что автономность технологий предлагалось видеть не иллюзорно, а в единстве трех компонентов: мобильность, энергетическая автономность и функциональная автономность[65]. Ни один из них не существует за периметром деятельности человека и вне общественных отношений, что само по себе говорит об условности автономности как характеристики технологий и в прошлом, и в настоящем. При этом важным параметром надежности автоматизированных вычислительных систем современности

[63] См. Коршунов Ю.М. Математические основы кибернетики. М., 1972. С. 3.

[64] См.: Черныш В.И., Напалков А.В. Математический аппарат биологической кибернетики / под ред. Н.А. Бернштейна. М., 1964. С. 14.

[65] См.: Попов Э.В., Фирдман Г.Р. Алгоритмические основы интеллектуальных роботов и искусственного интеллекта. М., 1976. С. 16.

является не только их годность и надежность, о которых давно принято говорить[66], но и безопасность. В рассматриваемом аспекте важна комбинированная оценка возможности кибернетики, математики и биологии во взаимосвязи. Неточно утверждение о том, что «размышления о математических представлениях процессов размножения привели к созданию теории самовоспроизводящихся автоматов»[67], хотя бы потому, что биологические процессы и их математическое восприятие являются двумя очень условно связанными друг с другом процессами и явлениями, сопоставление которых по меньшей мере некорректно. Математическая модель как таковая является объектом математики, теряя свою связь с биоорганизмом.

За годы своего развития кибернетика обрела более определенные сферы своего приложения в отраслевых науках, в том числе в биологии и технике. Эти сферы имеют непосредственное отношение к описанию современных проблем искусственного интеллекта. В технических науках свойства самонастраивающихся и самоорганизуемых систем виделись в способности их приспособления без исчерпывающего перечня данных об управляемом объекте – «за счет испытаний восполняется недостаток начальной информации», но всегда под наблюдением и контролем человека[68]. Эти положения актуальны и сегодня.

Важен итог и предназначение кибернетики, позволяющей, как было показано учеными РАН, не заменить человека, а дать старт разработке и использованию современных средств и методов обработки информации и анализа управленческих решений при использовании новейшей вычислительной техники с конечным звеном в этой системе управления –компетентным специалистом-человеком[69].

На этой основе удалось создать более ясные и четкие представления о роли кибернетики, ее взаимосвязи с искусственным интеллектом. Совершенно обоснованно предлагалось добавить в определение кибернетики «как науки о связи и переработке информации и управлению ею сбор информации», благодаря этому «кибернетика превращается в метанауку, включающую в себя физику и иные формализованные науки, при этом кибернетика не только развивает формализацию и распространяет ее на самые разные разделы знания –

[66] См. Лонгботтом Р. Надежность вычислительных систем. М., 1990. С. 6.

[67] Кибернетика живого. Биология и информация: сб. статей. М., 1984. С. 5.

[68] Красовский А.А., Поспелов Г.С. Основы автоматики и технической кибернетики. М., 1962. С. 18.

[69] См.: Моисеев Н.Н. Люди и кибернетика. Совершенствование организации управления экономической и социальной жизнью. М., 2021. С. 6.

экономику, лингвистику и т.п., но и охватывает совсем иную сферу, органически соединяя знание с процессом его использования, именно – с выбором решения и с управлением системами объектов»[70].

За последнюю четверть века технические науки, бросив вызов природе и мирозданию, преподнесли миру результаты, в полном смысле изменившие быт и возможности человека во всех сферах его жизни. Искусственным интеллектом, а точнее монополией на него, определяется расстановка геополитических сил современных государств, новая шкала оценки устойчивого развития стран, потому и небезосновательно выделяют технологический суверенитет. Понятно, что открывшиеся возможности техники создали дополнительные риски и опасности, всепроникающая цифровизация и автоматизация существенным образом ограничили свободу человека и неприкосновенность его частной жизни, перед лицом технологий человек оказался практически беззащитен, а правовое регулирование в этих условиях получило одновекторное развитие – «все для обеспечения развития техники, к достижению технологического суверенитета». При этом не учитывается, что сам научно-технический прогресс не может измеряться только новыми возможностями техники безотносительно к интересам, потребностям, возможностям человека. Тем не менее современный этап развития социально-экономических отношений, науки и техники связывается едва ли не с новой технологической формацией или революцией, для которых сложившиеся принципы и контуры правового регулирования если не принципиально неприемлемы, то в полной мере неадекватны и неактуальны. Кардинальные изменения объясняются беспрецедентными достижениями техники за весь опыт человеческого общежития. Всеобщая автоматизация, цифровизация производства в немалой степени способствуют спекулятивным призывам к пересмотру координат правового регулирования, но основной вопрос состоит в масштабах и векторах модернизации права. Могут быть сходу названы основные сферы активного использования искусственного интеллекта и его широкие возможности, казалось бы, без непосредственного участия человека: цифровая торговля, интернет-расчеты, смарт-контракты, беспилотный транспорт, машинное творчество как источник и результат создания произведений и изобретений. Удивительно и только на первый взгляд непонятно, почему лидеры рынка технологий видят свою задачу в создании роботов, максимально похожих на людей (как внешне, так и

[70] Фейнберг Е.Л. Кибернетика. Логика. Искусство. Соотношение логического и внелогического на примере взаимодействия науки и искусства. М., 2021. С. 4.

внутренне), а в Саудовской Аравии роботу было предоставлено гражданство. Спрашивается, чем вызвано и к чему приведет такое стремление к тождеству и какова адекватная реакция права на эти новшества? Речь идет не о признании определяющей роли искусственного интеллекта в общественном развитии по-прежнему без четкого понимания его содержания, а о попытке иного представления структуры общества за счет его гибридизации и вырождения, по существу посягающей на права человека как фундаментальные правовые ценности. Эту угрозу еще предстоит проанализировать и серьезно оценить социологии и правовой науке.

При осмыслении любых вновь открывающихся горизонтов и сфер правового регулирования (нынешних и будущих) следует помнить, что юридическая наука по сущности и функциям права является не идеологией или фантастикой, а двигателем правового регулирования и обеспечения всемерного соблюдения прав человека на всех этапах существования общества и во всех сферах человеческой деятельности. Соответственно прогнозы о будущем правового регулирования должны опираться на четкие и достоверные представления о трансформации объекта правового регулирования, а соотношение права и технологий в динамике должно быть представлено только как неразрывная связь объекта и механизма правового регулирования. Право не должно явиться средством минимизации издержек и бремени одних субъектов за счет ущемления интересов других (например, исключение или ограничение ответственности производителя и собственника беспилотного транспорта за причиненный вред за счет субъективации высокотехнологичных роботов; использование и обработка неанонимизированной информации крупными участниками рынка в логистических каналах и технологиях управления спросом, представление персональных данных как товара и т.д.). Необходимо отметить, что создание мифов о сверхмогуществе роботов и искусственного интеллекта выгодно прежде всего крупным производителям – разработчикам технологий и владельцам агрегаторов, когда право изначально не сводится к однополярному выражению воли экономически господствующего класса, в противном случае придется констатировать отмирание всей концепции признания и защиты прав человека как основополагающей правовой ценности человечества, которую с полным основанием возможно считать достижением цивилизации.